

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан Конкиста

Пока борт IV-6583, снизившись, тянул к аэропорту, профессор Хайме Пилар Пинто разрывался между двумя искушениями. Первое — задремавшая у его плеча мадонна южноамериканских кровей, другое — иллюминарор, нацеленный на одну из противоречивейших южных столиц. Припасть к нему, обеспокоив даму, выглядело кощунством. Наслаждаться восхитительной округлостью, прижавшейся к локтю, грозило упустить сверкающие небоскребы, величественно-чопорные дворцы, особняки и весь старинный центр, выточенный в колониальном стиле. Хайме Пилар справедливо избрал женскую грудь. Полёты в Боготу случались намного чаще. Напоследок, в течение ещё получаса, пока самолёт не приземлился, профессор Хайме Пилар Пинто млеет от присутствия попутчицы. Мог ли не восхищаться ею мужчина, дождавшийся старости, никогда ранее не выдавший рядом женщины привлекательнее этой. В нём и впрямь пробудилось осязание единственного, неповторимого во все времена образа.

Встречал профессора расторопный ассистент, незаменимый на протяжении последних четырёх лет. Глаза его заразительно блестели: здесь либо новая подружка, либо неожиданное развлечение. Наблюдение профессора оказалось пророческим. Продолжение путешествия откладывалось на завтра. Сегодня бесстрашные рыцари Колумбии сразятся с быками-монстрами.

Корриду Хайме обожал и, хотя в юности сумел преобразовать природную агрессию во врачебное ремесло, отказать себе в удовольствии не смог.

— Эх, Альберто, а ведь наверху нас ждут пациенты, — сказал сокрушённо, протискиваясь в услужливо открытую дверцу автомобиля.

Тот картинно развёл руками, улыбаясь скорбно и виновато.

Стадион замер, изумлённый неистовством быка, не позволившего вогнать в свою холку ни единой бандерильи. Такое оскорбление могла утолить только кровь. Матадор спешил, обнажил мулету. Баритон профессора Пинто слился с многотысячным рёвом толпы, оценившей честь, достоинства и унижение рыцаря. Теперь ничто не мешало выбору. Смерть на острие шпаги

торреадора, смерть на кончиках бычьих рогов. Первым разъярился бык, взрыл ногами песок и воздел фонтан пыли. Её подхватил налетевший порыв. Швырнул в глаза. Зрители скуксились до мышинных размеров и с мерзким писком кинулись врассыпную. Костюм запорошило пеплом. Сначала Хайме почувствовал боль в ступнях, а уж после прочие горести пятилетнего пацана. Из ботинок на толстой подошве, подаренных как-то отцом, нога вовсе выросла, и трудно давался шаг. Мать, донна Каторса, в одежде чудом чистой, тащила за руку в сиротский приют. Единственный в городке и оттого зловещий. Отец сгинул, мать на глазах завертел водоворот жизни. Свободной рукой новоиспечённый сирота прижимал к себе полотно в искусном обрамлении, писанное на века маслом. Свирепый взгляд кабальеро с холста сквозь очки сверлил неумытые улицы, расплавленные жарой, но кто он и откуда — не рассмотреть. Слишком извилист путь малыша. Выдернул руку, сел в пыль и содрал с себя башмаки. Донна Каторса бровью не повела, дождалась и потащила дальше. Втолкнула за ворота во двор и исчезла навсегда. Затем подошёл кто-то чужой, потрогал за локоть. Хайме обернулся — знакомые, но неузнаваемые черты лица. Испуг в глазах Альберто.

— Что с вами, Хайме... вам плохо? — спросил неслышно, увлекая за собой, и профессор

пошёл, ощущая через носки горячую шербатость бетона. Присев на покинутое место, вдел ступни в обувь, брошенную под скамьёй.

— Так, усталость. Привиделось вдруг, — объяснил он ассистенту, припоминая подробности. С ними не всё оказалось благополучно, с действительностью обошлось ещё хуже. Раж корриды ударил в уши, ранее будто защищённые непроницаемыми затычками, после исчезнувшими вмиг. На сей раз выпал особый случай, когда всадник обязан отомстить за оскорблённую честь. Тореадор, изготовив шпагу, как дирижёрскую палочку, вонзил острое в лоснящуюся шерсть. Бык зашатался, тяжело раздувая ноздри, вздрогнул и упал. Финал праздника увенчался благородным убийством. Всё, кровавую зарубку сгладит сон, затем начнётся конкиста.

Едва забушевало сражение за главенство в небе между солнечным диском и горными пиками, джип, управляемый Альберто, уже настырно покорял вертикальную географию колумбийских Анд. Путь профессора Пинто, невролога с мировым именем, лежал в городок Параноес, прижившийся на высоте, вряд ли доступной даже алчным конкистадорам средневековья. Загадочность поселения вменялась в вину жителям — несомненно, потомкам белых пришельцев,

избравших столь неуютное место для печально помеченной оседлости. Обитатели Параноеса повально страдали наследственным недугом, рано или поздно превращающим их в слабоумных, испытующих нестерпимые физические страдания. Городок, вотчина болезни Альцгеймера, являл собою гигантский полигон, позволяющий пристально изучать её сокрушительную поступь. Проект, разработанный профессором Пинто, балансировал на грани врачебной этики. Деградация согласившихся на эксперимент носителей наследственной аномалии началась задолго до обнаружения первых симптомов и протекала незаметно. Поэтому применять опытные препараты предстояло заблаговременно, протестировав их на молодых людях. Именно молодёжь планирует завести семьи, детей. Многих ожидают десятки лет счастливой жизни, прежде чем генетический вирус разрушит их мозг. Но им предлагают рискнуть сейчас! Половине из отобранных — пилюли, остальным — плацебо, пустышку без лекарственных свойств, чей лечебный эффект связан лишь с верой страдальца в препарат. То ли русская рулетка, то ли барабан казино.

— Выше этого городка никто не живёт, — сообщил профессор истину, давно известную

Альберто и прозвучавшую, как предсказание о неминуемости смертельного исхода. Но даже незначительная победа над всемогущим недугом — первый ключ к триумфу: на кону миллионы продлённых жизней и миллиарды долларов.

* * *

Лошадь, раз за разом взбрыкивая и заодно отпугивая мух хвостом, понуро постукивала копытами об укатанный тракт земли басков. Что путнику на окольном пути — каменистом, запутанном, и всё же наезженном авантюристами разного толка? Зимние дожди превращали его в топь, летом дуновение ветра поднимало с обочин въедчивую пыль. Кабальеро, с виду иноземец, наверняка знал, что в одиночестве на испанских дорогах несдобровать. Прогоняемые разбойниками, беглыми каторжанами и прочим сбродом. О том свидетельствовали скелеты вьючных животных вдоль тракта вперемешку с их несчастными погонщиками. Но взгляда всадника из-под поблёскивающих на солнце очков не выдержал бы и отчаянный злодей. Светлые волосы и жёстко-куцая борода подчеркивали ужас скверной физиономии, казалось, походя сеющей злобу и остервенелость. Вскоре путник

приблизился к мосту, по дряхлости не уступающий римской постройке. К препятствиям топографическим добавлялись сущие каверзы на границах королевств. Арагон, Валенсия, Кастилия, Навара, Каталония — везде правил свой удельный царёк. Король, обычно охочий до чужих песо. Опытным взглядом путник определил на противоположном берегу — двое неуклюжих охранников не в счёт — «потеху». Она пребывала в образе упитанного португальского еврея, и, рассмотрев путешественника, необычайно оживилась: светлые волосы всадника выдавали чистопородного славянина, а одежда и лошадь — знатный род. То и другое предвещало неплохую поживу. Ошибка, дружок — бывает.

— Дворянин — заруби себе на носу, — от менторского баса путника, казалось, волосы на голове сборщика королевских налогов зашевелились и слиплись в гребни, — не должен никому, кроме Бога.

Еврей, к чести своей, сумев не выдать испуга, отвечив надменным фальцетом:

— И короля.

— Какого такого короля? Перед тобой Перо Далипагич, высокородный дворянин из Боснии, — прорычал путник, впрочем, не имеющий на этот счёт ни единого подтверждения, — слишком много в последнее время развелось королей в Европе.

Впечатляющую крамолу слов усилило острие шпаги, взявшее на бордаж крючковатый нос сборщика налогов.

Немало наивных беженцев, пусть и не таких внушительных, стремились поселиться в Испании и не платить налогов. Не тут-то стало. Охранники разделились, обходя всадника. Перо усмехнулся, если кто-нибудь осмелится назвать усмешкой волчий оскал берсерка ¹, готовящегося к атаке.

Охранник, заходящий слева, даже не успел рассмотреть свою смерть. Едва услышал тугой

¹ Берсерк в древнегерманском обществе — воин, посвятивший себя богу войны Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в ярость. В сражении отличались неустовостью, большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли.

звон тетивы, когда арбалетный болт нарисовал лишнюю дырку в черепе. Второй вояка успел приподнять копьё, но Перо, ловко крутанув коня, оказался у него за спиной. Охранник удивлённо воззрился на острие шпаги, вышедшее из груди на дюйм, любовался рубиновыми каплями, бесславно сражавшимися с земным притяжением, и умер, не дождавшись результатов стычки.

Португалец скончался самостоятельно. Несчастный бросился с оголённым кинжалом на обидчика, но по неосторожности оказался так неловок, что напоролся на окровавленную шпагу.

В кошеле не в меру ретивого еврея оказалось с десятков реалов, чего, впрочем, хватало на первое время. «Весьма недурно» — подумал Перо, присоединяя королевского сборщика налогов к длинному списку освобождённых тем же образом истцов. В список входили: безымянный секуляризатор² орденских земель, за ним некий знатный

² Секуляризация — изъятие чего-либо из церковного ведения и передача в светское ведение.

боснийский мусульманин, какая-то многочисленная община богомилов, отрицавшая частную собственность и благополучно её лишившаяся, взбунтовавшееся стадо крестьян, спаливших поместье своего господина, но на беду повстречавшее маневрирующего против турецких воинов рыцаря — сильно проредившего и ряды бунтарей и ряды турок. Список полагалось продолжить десятком-другим обманутых женщин, но и упомянутого вполне доставало, чтобы понять, отчего скромный дворянин из Боснии оказался в величественной испанской империи, на чьей территории никогда надолго не заходило солнце.

* * *

Двигатель гудел ровно, джип без напряжения взбирался выше и выше. Вскоре миновали андские туманы. За ними открылись просторы высокогорных равнин. В первозданности воздуха зрение обострилось, и можно было рассмотреть ближайšie, изнурённые штормовыми дождями вершины. Скопище облаков всевозможно тёмных оттенков придавало ландшафту загадочность.

Альберто выключил кондиционер и открыл окна. Настала пора привыкать — в Параноесе

придётся провести долгие дни. Чуть погода показались заросли гинкго билоба, профессор Пинто оживился.

— Вот они, наши союзники, — констатировал Хайме, — между прочим, потомки древних папоротников.

Альберто согласно кивнул:

— Я пробовал цветочный настой ещё в студентах, заметно активизирует память.

Джип затормозил под зданием местной больницы. Трёхэтажной, жалкой на вид, но единственной в округе и поэтому вечно переполненной. Здесь ничего не изменилось. Кое-где в глубине парка блуждали поражённые недугом страдальцы. Здесь всегда всё неизменно. Но даже профессора Пинто, выдавшего виды доктора, устроил воистину голливудский бред. Представилось: вокруг густо и бестолково слонялись «тонто» — так в городке величали горемык, разбитых болезнью Альцгеймера. И, как по команде, они, словно враз учув здорового человека, повернулись, протянули руки и, монотонно подвывая, медленно двинулись к нему. Лицо его оставалось бесстрастным. Чему

удивляться? О чём сожалеть? Они воспринимают происходящее, как нечто само собой разумеющееся. Вгляделся, лишь призрачная зависть окрасила их глаза, пробранные буйством.

Ничего подобного не произошло. Выдумка, короткое наваждение. Примыкающая к больнице площадь пуста. Люди с утра подались на работу — кто в поле, кто на текстильную фабрику. Лишь по одной из улочек зигзагами перемещался юноша. Остановливался, снова шёл. Тонто, один из них. Хайме почувствовал на себе взгляд Альберто.

— Что-то случилось, сынок?

— Нет.... Показалось, что вы на мгновение исчезли.

— Я стал невидимкой? — поинтересовался профессор.

— Нет, вроде этого тонто, — ответил ассистент.

Ни намёка на шутку, но Хайме улыбнулся, глядя, как приближается юноша. Вне всякого сомнения, местный. Эталонный образчик нынешнего горца: джинсы, цветное пончо,

набриолиненные волосы. Хранитель уникальных анатомических и физиологических характеристик — низковат при плотном телосложении и кряжист. Не так уж неправ Альберто. В тонто одновременно и странно, и явно чувствовался человек не от мира сего, с душой, резонирующей безответности. Блеклое звено, вплетённое в окружающую явь — начало, продолжение и слияние с нею. Парень растерянно смотрел на незнакомцев — то на профессора, то на его помощника, пытаюсь осознать, кто они, и прежде, какое отношение он сам к ним имеет, как оказался здесь.

Хайме Пилар мягко взял его руку и, как можно участливее спросил, помнит ли он, где живёт. Лицо юноши осветила счастливая улыбка. Радостно закивал. Наказав Альберто заняться неотложными приготовлениями, профессор попросил тонто показать путь к дому.

Вскоре Альберто растроганно отвечал на приветствия коллег. Ему обрадовались, и он позволил увлечь себя в больничные недра.

— Доктор, вы ещё помните Марину Эрнандес? — с грустью спросила молодая медсестра, красиво краснея.

Альберто забыл, о ком речь, зато отлично помнил другое — во время предыдущего приезда, эта медсестра имела на него виды, но Хайме Пилар строжайше запретил отношения с местными жителями, помимо связанных с работой.

— Это и есть Марина Эрнандес, — печально вздохнула девушка.

Доктор взглянул на высохшую старуху, привязанную ремнями к креслу-качалке. Мужчина, сверкая смуглыми залысинами, тщетно пытался согнуть ей в локте руку. Рука заостенела, и он шептал что-то ласковое, уговаривая расслабить мышцы.

— Всего час гимнастики в день снижает риск контрактур, — подбодрил Альберто мужчину, но, заметив недоумение в его глазах, добавил, — увеличивает подвижность сустава...

И внезапно осёкся, узнав в окаменевшей старухе женщину, пышущую здоровьем всего год назад, её привёз в клинику муж, этот мужчина с залысинами.

Вспомнилось, как жутко смущалась сеньора Эрнандес, когда супруг рассказывал, что его жёнушка в последнее время по многу раз

переспрашивает одно и то же. Профессор просил женщину постоять и попрыгать на одной ноге, затем с закрытыми глазами достать пальцем кончик носа. Вышло на третий раз. Когда бедняжка не смогла ответить, какой нынче год, стало ясно. Профессор нахмурился. Увы, у Марины Эрнандес — Альцгеймер. Скоро ей понадобится постоянный уход, и жить осталось недолго. Тогда Альберто предположить не мог — сколько. За год из несчастной женщины вытекла душа.

Доктор положил руку на плечо мужчины. Тот даже не поднял головы, продолжая методично сгибать и разгибать локоть любимой. Медсестра, справившись с неловкостью, тронула Альберто:

— Люди узнали о вас! У них появилась надежда! Храни вас Господь! Во веки веков храни.

Если бы она знала.

* * *

В Испании доблестный рыцарь Перо Далипагич не нашёл для себя земли обетованной, зато врагов нажил немало. Набрался мастерства у плутов всех мастей. Неистово играл в бабки в Мадриде, в экарте — в

Толедо, сражался в пикет в Севилье. Здесь веселятся, там поносят Бога, ещё дальше сорятся и дерутся, но повсюду жульничают и воруют. Сегодня, после короткой стычки, он твёрдо решил покинуть империю, разбогатеть, вернуться обеспеченным человеком, чтобы прикупить потомственную идальгию. На случай, если она не будет пожалована за невероятную храбрость и достойные баллад подвиги.

На въезде в город Перо совершил непростительную ошибку. Залюбовавшись гирляндой человеческих обрубков — останков четвертованных преступников, вывешенных на городской стене, прозевал приближение монаха. Эти солдаты инквизиции, словно гарпии, подстерегали путешественников, вкрадчиво интересуясь: «нет ли в вашем багаже еретических писаний, запрещённых Святой Церковью». Если таковые находились, путешествие заканчивалось. Если нет, требовали заплатить за проверку скромный взнос. Монах, встретившийся Перо, обладал молодым весёлым баском и, когда кабальеро решил отделаться монетой в су, решительно преградил дорогу. Но Перо благоразумно пожертвовал на дело инквизиции полноценный реал.

Сиеста. У дворца в такое время никого не встретишь. Далипагич положил остановиться на постоялом дворе, а утром, отдохнув и подкрепившись, двинуться ко дворцу. Выходило: реал за постель и по реалу за еду и свечку.

Постоялый двор, приличный снаружи, внутри вызывал оторопь. Несколько оборванных нищих — то ли женщин, то ли мужчин, распивали вино, горланя похабщину. Перо спросил лучшего вина у брюнетки, с виду цыганки, а когда та отвернулась, чтобы исполнить заказ, не без удовольствия проследил за вызывающей игрой попки, благодушно прикинув: «Похотливая сучка!».

На него косились, но зверская рожа в очках, вкупе с телом исполина, не позволяли мыслям, затуманенным алкогольной дрянцой, завладеть рассудком. Вскоре девка вернулась с бурдюком. В благодарной спешке Перо шлёпнул её пониже спины, вызвав интригующий смешок, и отхлебнул вина. Проглотить пойло, отдающее козлятиной, оказалось невыносимо. Ошарашенная девчонка приняла на себя кислый душ, перемешанный со слюной.

За подобное подношение бедняжке пришлось оплатить причинённый ущерб собственным телом. Далипагич взвалил её на шею и уволок в номер, где учил уму-разуму до утра. Проснувшись часам к одиннадцати, наотрез отказавшись жениться и даже подарить несколько пистолей, Перо, словно собака, отряхнулся от блох, покрывавших тело копошащейся коркой. Затем наскоро позавтракал мясным паштетом, почему-то отдающим мертвечиной. Наверняка на городской стене не окажется вчерашних останков, случись вернуться к главным воротам — в этом он мог присягнуть. Затем, одевшись, всё же сжалился и кинул несколько монет рыдающей девушке.

На выходе из постоялого двора доблестный всадник задержался на пару минут, заинтересовавшись мясистой бабищей, вывалившей гигантские груди на нетёсаный стол. Поражали размерами соски, такие, что ими впору кормить телёнка. Перо решил проследить за развитием событий, но тут же разочарованно сплюнул. К столу деловито приковылял мальчонка с волосатым тельцем и грубоватыми чертами лица, обеими руками приподнял

молочную необъятность и прикипел к чёрному соску.

Наблюдать завтрак мальчика стало скучно. Перо спешно покинул гостеприимное местечко. Среди приземистых, как один, и смуглых брюнетов, синьор Далипагич выгодно отличался статью и светлыми волосами, чем не преминули заинтересоваться встречающиеся на пути донны. Из ближайшей подворотни доносились вопли человека, умоляющего об исповеди. В воздухе, густом, как черепаховый суп, терпко пахло конкистой. Было хорошо.

Перо принюхался, уступив дорогу даме, за нею на почтительном расстоянии следовали несколько торговцев сладостями. Лицо, шея, плечи и одеяние красоты представляли собой картину, предназначенную, по всей видимости, привлечь внимание. Поверх свинцовых белил без меры пестрели румяна. Красавица распространяла ароматы миндаля, несвежего белья и казалась решительной. Фигура смотрелась стройной, но не за счёт природного изящества, а благодаря деревянным сандалиям на толстой подошве и пробковом каблучище. Когда Перо Далипагич явился во всей красе, обернувшись на призыв, пыл уличной

стяжательницы поутих. Она мягко проворковала:

— Не угостите ли даму вафельной трубочкой с кремом?

В ту же секунду, торговцы сладостями, наблюдавшие за развитием событий, сунули боснийцу, едва ли не в лицо, свои лотки. Перо, подивившись фамильярности, всё же спросил:

— И почём?

— Всего экую за пять штукек, — в хор пропели торговцы.

— Убирайтесь прочь, — оборвал их Перо, равнодушный обычаю ни в чём не отказывать сеньоре, даже незнакомой. Его требование одинаково относилось и к даме и к её свите. Оглядываясь, они поспешили удалиться.

Большая улица поражала воображение. Ловкость будущего наёмника позволяла уклоняться от снующих в обе стороны карет и всадников, но конь, купленный у басков за деньги несчастного мытаря, нервничал и порывался укусить какого-нибудь кавалера или его пажа.